
ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 378
ББК 74.58

DOI 10.22394/1682-2358-2018-3-4-11

G.V. Morozova, *Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Public Relations and Applied Political Science Department, the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of Kazan Federal University*

MODERN PARADIGM OF THE RUSSIAN EDUCATIONAL POLICY: EVALUATION OF THE REFORMS

The results of the content analysis of the discourse on educational issues, the state of the domestic education sector, the evaluation of the progress of reforms and the consequences of reforms are considered. The dominant of critical assessments of the educational system is established not only by the scientific community, but also by the students.

Key words and word-combinations: reform, education system, students, higher education.

Г.В. Морозова, *доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью и прикладной политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета (email: galina.morozova@kpfu.ru)*

СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: ОЦЕНКИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. Рассматриваются результаты анализа содержания дискурса по образовательной проблематике, по состоянию отечественной отрасли образования, оценкам хода реформ и последствий преобразований. Констатируется доминанта критических оценок образовательной системы и научным сообществом, и обучающимися.

Ключевые слова и словосочетания: реформа, система образования, студенчество, высшее образование.

Проблемы развития отечественного образования, его модернизации являются сегодня одними из наиболее обсуждаемых тем и в научных публикациях, и в медиапространстве, и в научном дискурсе. Реформирование системы образования в политике российской модернизации рассматривалось в

качестве локомотива, способного, компенсируя недоработку механизмов в других сферах, решить задачи всей цепи преобразований, связанных не только с преодолением социально-экономического кризиса, но и с обеспечением инновационного развития общества, сохранением своего статуса на мировой арене [1].

По данным исследования социального самочувствия студенческой молодежи Казанского (Приволжского) федерального университета, проведенного в сентябре — ноябре 2016 г., только 3,6% опрошенных на вопрос «Как Вы оцениваете состояние в системе образования России за последние годы?» ответили, что повысилось качество образования, а это в 7,5 раза меньше доли респондентов, отметивших ухудшение и разрушение отечественного образования. Выявляется междисциплинарный характер критики итогов реализации политики реформирования образовательной отрасли, выражающийся в совпадении позиций педагогической, психологической, экономической наук, социологии [2].

Парадигма политики в сфере отечественного образования, представляющего мощный социально-экономический и научно-технический комплекс народного хозяйства, во многом задавалась поистине исторической миссией. Она была связана с модернизацией социально-экономического и военного потенциала страны, формированием конкурентоспособного общества с высокими жизненными стандартами. Преобразования должны были восстановить место России на политической карте мира [3; 4]. В связи с этим реформы российского общества приобрели системный характер, предполагающий модернизацию не в одной сфере, а комплексную перестройку всех отраслей, что и определило парадигму политики в сфере отечественного образования.

Основные приоритеты российской государственной политики в сфере образования определены в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2000 г., в Государственной программе РФ «Развитие образования» на 2013—2020 г., в Федеральной программе развития образования на 2011—2015 г., в Национальной образовательной инициативе «Наша новая школа», утвержденной Президентом РФ 4 февраля 2010 г.

В целом стратегическая цель государственной политики в области образования заключалась в повышении доступности качественного образования, соответствующего требованиям модернизированного общества с вытекающими отсюда задачами обеспечения доступности общего образования, повышения качества профессионального образования, развитии современной системы непрерывного профессионального образования, повышении инвестиционной привлекательности сферы образования [5]. Модернизация образовательной отрасли России представляла собой некий социальный заказ общества и государства, и он задавал основные направления развития и изменения системы образования страны в XXI в., в его первом десятилетии, по крайней мере. В связи с этим важно выявить отношение населения к политике реформирования отечественной отрасли образования, определить, в какой мере заданная «сверху» модель образовательной стратегии воспринималась обществом, учитывала ли потребности, возможности граждан, сложившийся менталитет, то есть насколько модернизационные инициативы

разделялись общественным сознанием и могли быть поддержаны населением страны [6, с. 10].

В качестве эмпирической основы проведенного исследования выступили данные Федеральной службы государственной статистики, вторичные данные всероссийских исследований, проведенных Институтом социологии РАН, ВЦИОМ, Центром социального прогнозирования и маркетинга. Использована информация периодических изданий, а также результаты социологического исследования по выявлению социального самочувствия студенческой молодежи Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань Республика Татарстан) в сентябре — ноябре 2016 г. Исследование включало анкетный опрос студенческой молодежи по территориально-поселенческому признаку в сочетании с национальным, социально-демографическим и выделением следующих возрастных групп: 17—18, 19—20, 21—23 года. Соотношение между мужчинами и женщинами по всем возрастным категориям примерно одинаковое и составляет 1 : 3, на одного опрошенного мужчину приходится две — три женщины того же возраста. Респонденты титульной нации составили 46,7%, русскоязычные — 40,2%. В качестве генеральной совокупности для определения объема выборки была взята численность указанной группы, которая в соответствии с данными Росстата и официальной информацией вуза составляла 44 483 человека. Для формирования выборочной совокупности использован многоступенчатый сбор с применением квотной случайной выборки, составившей 452 человека различных категорий молодежи в зависимости от возрастных, профессиональных и территориальных признаков. Методологической основой исследования стали методы анализа и синтеза, сравнительный метод, метод опроса, а также описательный метод.

Характеристика повседневной жизни населения России связана с ухудшением жизненной ситуации, снижением уровня материальных условий. По данным Росстата, период 2014—2015 гг. ознаменовался ухудшением материального благополучия, сокращением доходов населения (рис. 1).

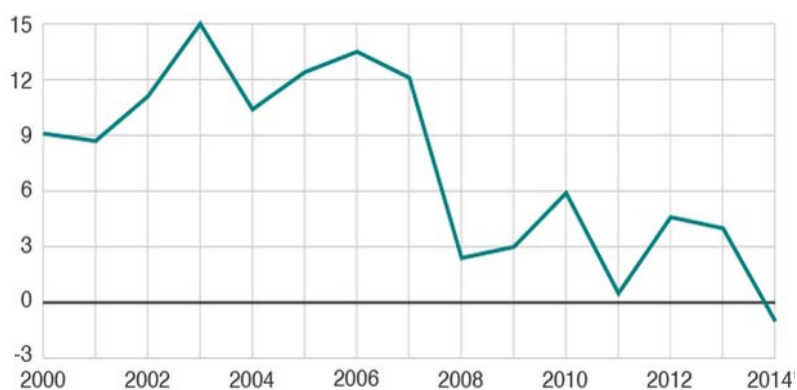

Рис. 1. Реальные располагаемые доходы населения (% к предыдущему году)

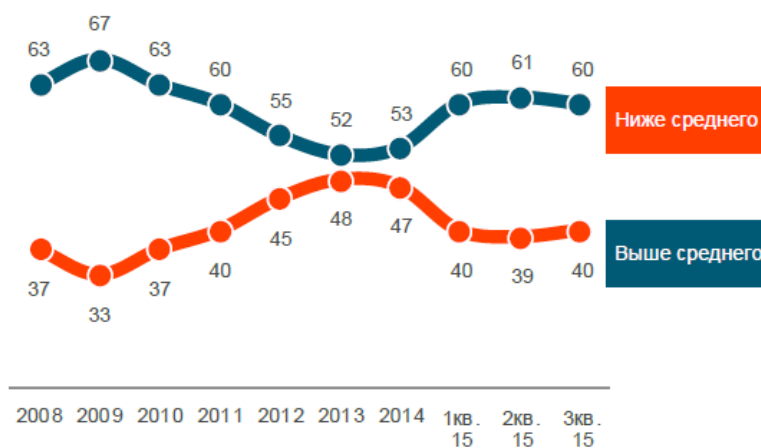
Эти данные подтверждаются и результатами всероссийских исследований, проведенных ВЦИОМ в декабре 2015 г. [7]. На вопрос «К какой из следующих групп населения Вы скорее могли бы себя отнести?» 9% респондентов подчеркнули вариант ответа: «Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты», 30%. «На продукты денег хватает, но покупка одежды уже затруднительна», а 40% опрошенных признались, что «Денег хватает на продукты и одежду, но покупка холодильника, телевизора, мебели — для нас проблема». Эти данные свидетельствуют о том, что большинство россиян живут в режиме бедности, до 80% участвующих в исследовании отметили, хотя и в различной степени, что испытывают трудности материального плана со своим жизнеобеспечением.

Сравнительный анализ материальных условий жизни студенческой молодежи выявил более высокий уровень благополучия. Среди них на аналогичный вопрос только 4,3% опрошенных отметили, что денег не хватает даже на питание, доля же признавших, что «Могут без труда купить холодильник, телевизор, мебель, но на автомобиль денег нет», почти в два раза больше (31,7 против 16%). Среди студенческой молодежи меньше и доля респондентов, испытывающих затруднения в удовлетворении элементарных жизненных потребностей, подчеркнувших (суммарно) варианты ответов «На продукты денег хватает, но покупка одежды уже затруднительна» и «Денег хватает на продукты и одежду, но покупка холодильника, телевизора, мебели — для нас проблема» (63,9 против 70%). Полученные результаты в студенческой среде связаны не только с молодежным оптимизмом, свойственным этой возрастной категории, но и с финансовой помощью студентам со стороны родителей, родственников, что отметили почти 40% участвующих в опросе (39,5%).

Ухудшение условий жизни, материальной обеспеченности россиян подтверждаются и результатами других исследований, в частности, проведенного Центром социального прогнозирования и маркетинга по проблеме бедности и материального положения жителей РСФСР в 1990 г. и жителей Российской Федерации в 2014–2015 гг. В процессе формирования самооценки материального благосостояния с 2014 г. наблюдается тенденция снижения, что четко выражено на рис. 2. Эти результаты подтверждаются и динамикой самооценки уровня жизни студентами. В 2016 г., по сравнению с 2012 г., в 1,2 раза стало меньше студентов, считающих, что они живут лучше, чем большинство их сверстников (11,6 против 13,6%). Вместе с тем за этот период увеличилась в четыре раза доля студентов, признавших, что живут на грани выживания, еле сводят концы с концами (2,5 против 0,6%) [8, с. 37].

В настоящее время россияне интенсивнее связывают материальное положение и образование. По результатам инициативного всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ в январе 2016 г., прослеживается тенденция усиления значимости образования в массовом сознании. Доля родителей, стремящихся дать своим детям образование, за 25 лет выросла с 29 до 38% в 2016 г. [9]. Рост инструментальной ценности образования связан с осознанием его роли как фактора, определяющего материальное благополучие. Сегодня 40% россиян уверены, что материальное благополучие и образование находятся в прямо

пропорциональной зависимости. Нельзя не признать, что желание родителей дать детям во что бы то ни стало высшее образование во многом порождено экономическим кризисом 1990-х годов и рассматривается как определенный компенсационный механизм, дающий возможность человеку приспособиться к новым социально-экономическим условиям [10, с. 9].

Исследование РосИндекс. Все домохозяйства, города 100 тыс. +

Рис. 2. Материальная самооценка, %

Результаты анализа содержания отечественного дискурса по образовательной проблематике свидетельствуют о доминирующей оценке состояния отечественного образования как кризисного, имеющего восходящий тренд и междисциплинарный характер, выражающийся в совпадении позиций представителей различных научных дисциплин — педагогики, психологии, социологии. Это совпадение происходит по сути, а не по деталям политики модернизации образовательной отрасли. Исследователи подчеркивают, что «под модернизацией образования понимается именно улучшение уже имеющегося, а не кардинальные перемены, которые, в определенных условиях, могут привести к деструкции» [11]. В современном дискурсе практически с равной интенсивностью обсуждаются процессы модернизации всех ступеней образования: общего, среднего и высшего. Критике подвергаются и все составляющие образовательной сферы: познавательные, оценочные и особенно организационно-управленческие компоненты. Причины неудач преобразований связаны с субъективным фактором, просчетами в политике реформ образовательной отрасли, но, прежде всего с недооценкой отечественной системы образования.

По мнению российских экспертов, система отечественной образовательной школы на всех ее ступенях была организована в соответствии с университетским подходом. Он обеспечивал обучающимся, независимо от социального статуса родителей, получение и освоение целостного знания, фундаментом которого выступали достижения культуры и науки. Эта модель, как справедливо отмечает С.Г. Кара-Мурза, доказала свою состоятельность не только

в России, обеспечив ей статус мощной независимой державы, но и при реализации в других странах с рыночной экономикой (Китай, Япония, Южная Корея), где стала фактором, задающим динамику и эффективность развития образовательного пространства и обеспечивающим высокую результативность индустриального производства [12].

Нельзя не отметить, что политика реформирования образовательной отрасли осуществлялась без учета новой демографической ситуации, что породило новые проблемы в системе образования, особенно высшего. В вузы стали поступать не лучшие ученики, составляющие, как правило, не более 15% выпуска, а основная масса окончивших среднюю школу — до 70% и более, поскольку за последние пять лет численность молодежной группы абитуриентского возраста сократилась практически в два раза. Доступность получения высшего образования для большинства выпускников, к тому же профессионально не ориентированных, не могла не повлиять на качество образования, вызвав снижение его уровня [13].

Не менее значим результат, связанный с выявлением оценки преобразований образовательной системы самими обучающимися. Низкое качество преподавания как главный фактор неудовлетворенности обучения в университете назвал каждый второй студент г. Казани в опросах 2012 и 2016 гг. (соответственно 54,9 и 53,8%). Негативное восприятие реформ, осуществляемых в образовательной отрасли, подтверждается и сокращением в 1,5 раза доли студентов, отметивших такое позитивное изменение, произошедшее в процессе модернизации высшей школы, как увеличение у молодежи возможности выбора образования — 15,7% в опросе 2016 г. и 23,7% в 2012 г.

Проблемы в образовательной отрасли, бесспорно, связаны и с факторами объективного характера, и прежде всего с особенностями социально-экономического развития России. Модернизационный эксперимент построения «российского капитализма», начавшийся с конца 1990-х годов, обернулся издержками не только для развития народного хозяйства. Сформировавшаяся низкотехнологичная, ресурсодобывающая экономика привела к свертыванию средне- и высокотехнологичных производств, их ликвидации с одновременным расширением сферы торговли и услуг, отбросив социально-экономическое развитие страны в ранне индустриальный период и породив новые противоречия в образовательной системе [14, с. 10].

Отечественное образование, отчасти по инерции, отчасти в силу своего консерватизма, продолжало вести подготовку кадров для полномасштабного индустриального производства, сделав ее избыточной, без учета спроса на новые специальности, увеличивая тем самым разрыв между рынком труда и подготовкой кадров. Вместе с тем вхождение России в мировое коммуникационное культурное пространство индустриального и постиндустриального общества со свойственными ему форматами занятости, стиля, образа жизни, ценностями «потребления» сформировало у населения, особенно у подрастающего поколения, новые жизненные установки и ориентации, в том числе и образовательные, породив противоречие между возможностями карьерного роста и получения соответствующего образования.

Произошедшие в отечественной образовательной отрасли изменения достаточно противоречивы. Признавая некоторые положительные последствия политики реформирования, связанные с инновационными технологиями обучения, материально-техническим обеспечением, расширением спектра образовательных услуг и альтернативности образования, нельзя не отметить, что модернизация не только не привела к новому качеству образования, но во многом деформировала систему. В образовательной отрасли обнаружились новые проблемные зоны, углубилось ее несоответствие реальным требованиям рынка труда и общественным ожиданиям. В ходе модернизации системы образования не удалось сформировать устойчивый эффективный механизм развития образовательной системы, способный стать основой экономики знаний и обеспечить конкурентоспособность страны в условиях глобальных вызовов. По оценке хода реформ студенчеством, имеющим представление о содержательной стороне предпринятых мер в отличие от официальных мнений, доля неудовлетворенных реформами существенно больше, и она демонстрирует преимущественно пессимистический взгляд.

Таким образом, проблемы развития отечественного образования относятся к числу широко обсуждаемых тем и в общественном дискурсе, и в экспертном сообществе. Изучение состояния образовательной отрасли актуализируется очевидной доминантой критических оценок последствий политики модернизации системы образования на всех его ступенях и во всех составляющих образовательную сферу, связанных прежде всего с обострением одной из ключевых проблем — диспропорцией между образованием и рынком труда, несоответствием фактического и требуемого уровня образования. Аналогичные проблемы наблюдаются и в практике западных стран, что фиксируется зарубежными исследователями [15]. Но для России их решение имеет принципиальное значение. Образование представляет системообразующий элемент модернизационного процесса, призванного обеспечить не только выживание страны, но и ее переход к современной модели развития, встраивание в формат постиндустриального общества, прогресс которого определяют человеческий капитал, культура, образование.

Библиографический список

1. *Morozova G.V., Nikitina T.I., Nikitin A.A.* Modernization of the Social Sphere and the Healthcare System in Russia // *Advances in Environmental Biology*. 2013. № 8(10). URL: <http://www.aensiweb.com/old/aeb/June%202014/193-196.pdf>
2. *Udal'tsova M.V.* Rossiyskaya modernizatsiya na poroge postindustrial'nogo razvitiya // *Sotsial'nie vzaimodeystviya v tranzitivnom obschestve: sb. nauch. tr. Novosibirsk*, 2009. Issue 14. P. 15–21.
3. *Takala T., Piattoeva N.* Changing conceptions of development assistance to education in the international discourse on post-Soviet countries // *International Journal of Educational Development*. 2012. Vol. 32. Issue 1: 3–10.
4. *Russia in figures 2005* / Federal State Statistics Service. Date Views 18.06.2014. URL: www.gks.ru/bgd/regl/b05_12/Main.htm
5. *Guelsuen A.B., Erduran Y.* Reforming education in developing economies of the world: major

issues of educational reform in China and Russian Federation // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2009. Vol. 1. Issue 1: 347–357.

6. Модернизация российского образования: проблемы и перспективы / под ред. М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги. М., 2010.

7. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ, 12–13 декабря 2015 г. URL: <http://www.wciom.ru>.

8. Социальное самочувствие студенческой молодежи г. Казани: по результатам социологического исследования / Г.В. Морозова, Д.Г. Мюллер, В.В. Лаптев; под ред. А.И. Остроумова. Казань, 2012.

9. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ при участии компании «МедиаЛогия», 16–17 января 2016 г.: пресс-выпуск № 3022. 2016. 22 янв. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115556>

10. Бондаренко Н.В., Бочарова О.А., Гражданкин А.И. [и др.]. Мониторинг экономики образования. Анализ взаимосвязей системы образования и рынка труда в России // Информационный бюллетень. 2005. № 1.

11. Добрина О.А. Проблемы и перспективы модернизации российского общества: оценки экспертов // Теория и практика общественного развития, 2013. № 3. С. 36–39.

12. Кара-Мурза С.Г. О реформировании образования. URL: <https://boris-vit.livejournal.com/70897.html>

13. Белоцерковский А.В. Российское высшее образование: о вызовах и рисках // Высшее образование в России. 2012. № 7. С. 3–9.

14. Ефимов В.С., Лантева А.В. Высшее образование в России: контуры будущего // Университетское управление: практика и анализ. 2010. № 4(68).

15. Heckman J.J., Jacobs B. Policies to Create and Destroy Human Capital in Europe // IZA discussion paper Bonn: IZA, 2009. № 4680.